Майкл Каннингем
Снежная королева

Michael Cunningham Snow Queen

Майкл Каннингем

Снежная королева
Роман

Перевод с английского
Дмитрия Карельского

Москва

издательство аст

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Каннингем, Майкл.
Снежная королева : роман / Майкл Каннингем; пер. с англ. Д. Карельс-кого. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-17-087297-8

Герои романа “Снежная королева” — братья Баррет и Тайлер, истинные жите-ли богемного Нью-Йорка, одинокие и ранимые, не готовые мириться с утрата-ми, в вечном поиске смысла жизни и своего призвания. Они так и остались деть-ми — словно герои сказки Андерсена, они блуждают в бесконечном лабиринте, пытаясь спасти себя и близких, никого не предать и не замерзнуть. Особая роль в повествовании у города, похожего одновременно на лавку старьевщика и неиз-

веданную планету, исхоженного вдоль и поперек — и все равно полного тайн. Из места действия Нью-Йорк незаметно превращается в действующее лицо, при-
чем едва ли не главное.

Майкл Каннингем, автор знаменитых “Часов” и “Дома на краю света”, вновь подтвердил свою славу одного из лучших американских прозаиков, блестящего наследника модернистов. Тонко чувствующий современность, Каннингем пыта-ется уловить ее ускользающую сущность, сплетая прошлое и будущее, обыденное и мистическое в ярком миге озарения.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-087297-8

© 2014 by Mare Vaporum Corp.
© Д. Карельский, перевод на русский язык, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

К19

Холодно и пустынно было в просторных чертогах Снежной королевы. Их освещало северное сияние, оно то вспыхивало ярче в небесах, то вдруг слабело. Посреди самой большой и пустынной снежной залы лежало замерзшее озеро. Лед на нем раскололся на тысячи кусков, на удивление ровных и правиль-

ных. Посреди озера, когда бывала дома, восседала на троне Снежная королева. Озеро она называла “Зеркалом Разума” и говорила, что это лучшее и единственное зеркало в мире.

Ханс Кристиан Андерсен
“Снежная королева”

11

Б

аррет Микс узрел небесный свет над Центральным парком четыре дня спу-
стя после того, как был в очередной раз
брошен. Любовь и прежде, разумеется, награждала его оплеухами, но никогда

еще они не имели форму пяти строчек текста, при-том что пятая состояла из убийственно формального пожелания удачи и завершалась тремя строчными

иксами, типа поцелуйчиками.
Четыре дня Баррет изо всех сил старался сохранить присутствие духа перед лицом череды расставаний, которые, как виделось ему теперь, с каждым разом ока-

зывались все немногословнее и прохладнее. Когда ему было двадцать — двадцать пять, его романы обычно завершались рыданьями и шумными ссорами, будив-

майкл каннингем снежная королева

12

шими соседских собак. Однажды у них с без пяти ми-нут бывшим возлюбленным дошло до кулачной драки (у Баррета по сю пору стоит в ушах грохот опроки-нутого стола и неровный стук, с каким мельничка для перца покатилась по половицам). В другой раз была громкая перебранка посреди Барроу-стрит, раз-битая в сердцах бутылка (при слове “влюбиться” Бар-рет до сих пор с неизбежностью вспоминает осколки зеленого стекла, поблескивающие на асфальте в свете уличного фонаря) и старушечий голос — ровный и нескандальный, какой-то устало-материнский, — раздавшийся откуда-то из темноты первых этажей: “Ребятки, здесь же люди живут, и им спать хочется”. После тридцати и дальше, ближе к сорока, рас-ставания стали напоминать переговоры о расторже-

нии деловых отношений. Боли и взаимных упреков хватало по-прежнему, но надрыва заметно поубави-лось. Да, мол, что поделаешь — мы возлагали на со-вместные инвестиции большие надежды, но они, увы, не оправдались.

Этот последний разрыв, однако, был первым,
о котором он узнал из эсэмэски, нежданных и неже-ланных прощальных слов, всплывших на экране раз-

мером с кусочек гостиничного мыла. Баррет привет ты сам наверно все уже понял. Мы ведь сделали уже все что от нас зависело?

вечер

13

Баррет, собственно, не понял ничего. До него, естественно, дошло — любви больше нет, как нет и подразумевавшегося ею будущего. Но вот это ты сам наверно все уже понял… Все равно как если бы дерматолог сказал тебе непринужденно после ру-тинного ежегодного осмотра: вы, наверно, уже сами поняли, что вот эта вот родинка на щеке, это оча-ровательное темно-шоколадное пятнышко, которое, как многие справедливо считают, только добавляет вам привлекательности (не помню, кто это мне рассказывал, что Мария-Антуанетта рисовала себе мушку точно на том же самом месте?), так вот, эта родинка — это рак кожи.
Ответил Баррет тоже эсэмэской. И-мейл, он решил, выглядел бы в этой ситуации слишком ста-ромодно, а телефонный звонок — чересчур драма-тично. На крошечной клавиатуре он набрал: Как-то это внезапно, может нам лучше встретиться пого-ворить. Я на месте, ххх.
К концу второго дня Баррет успел отправить еще две эсэмэски и оставить два голосовых сообще-ния. Следующую за вторым днем ночь он боролся с желанием оставить еще одно. К вечеру третьего дня он не только не получил ответа, но и начал осознавать, что ждать бессмысленно; что ладно сложенный канадец, аспирант-психолог из Колум-

майкл каннингем снежная королева

14

бийского университета, с которым Баррет пять ме-сяцев делил постель, стол и шутливые беседы, муж-чина, сказавший: “Видно, все-таки я тебя люблю”, когда Баррет, сидя в одной с ним ванне, прочитал наизусть Ave Maria Фрэнка О’Хары, и знавший, как называются все деревья в Адирондакских горах, где они вместе провели тот уик-энд, — что этот

человек пошел дальше своим путем, уже без него; что Баррет остался стоять на платформе, недоуме-вая, как это он умудрился не успеть на поезд.

Желаю тебе счастья и удачи в будущем. ххх. Вечером четвертого дня Баррет шел через Цен-тральный парк, возвращаясь от дантиста, визит к которому, с одной стороны, угнетал его своей ба-нальностью, но зато, с другой, мог сойти за прояв-ление мужества. Избавился от меня пятью пустыми и обидно безличными строчками — ну и пожалуй-ста! (Очень жаль, что у нас не получилось, но мы ведь оба сделали все, что от нас зависело.) Не стану же я из-за тебя пренебрегать уходом за зубами. Лучше я узнаю — с радостью и облегчением узнаю, — что на данный момент в депульпации корневого ка-нала необходимости нет.
И тем не менее мысль о том, что ему больше ни-когда не принесет радости чистое и беззаботное оча-рование этого парня, так похожего на юных, гибких

вечер

15

и невинных атлетов с восхитительных картин Томаса Икинса; что ему никогда больше не видеть, как, перед тем как лечь, он стягивает с себя трусы, как невинно восторгается приятными пустяками вроде сборника Леонарда Коэна, который Баррет записал для него на кассету и назвал “Почему бы тебе не покончить с собой”, или победы “Нью-Йорк рейнджерс”, — мысль эта казалась ему абсолютно невозможной, противоречащей всем законам физики любви. Несо-вместим с ними был и тот факт, что Баррету, скорее всего, так никогда и не узнать, что же всему виной. В последний месяц или около того у них несколько раз вспыхивали перепалки, случались неловкие

паузы в разговоре. Но Баррет объяснял это для себя тем, что их отношения вступают в новую фазу, видел в мелких размолвках (“Хоть иногда можно поста-раться не опаздывать? Почему я должен отдуваться за тебя перед своими друзьями?”) признаки крепну-щей близости. Он даже отдаленно не мог вообразить, как в одно прекрасное утро обнаружит, проверив входящие эсэмэс, что любви конец и ее не жальче, чем пару потерянных солнечных очков.

Тем вечером, когда ему было явление, Баррет, об-надеженный благополучным состоянием корневого канала и клятвенно пообещавший еще регулярнее ис-пользовать зубную нить, пересек Большую лужайку